

Белые банты, школьная форма

Детектив

Юлия Королева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Королева

Белые банты, школьная форма. Детектив

<https://litres.ru/74232844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детектив с жертвой из прошлого... Очередная история из серии детективов с участием следователя Маргариты Ждановой. За территорией школы находят тело не совсем обычной "школьницы", которая не иначе как появилась из прошлого: на ней школьная форма старого образца - коричневое платье с белым воротничком и нарядный фартук, белые пышные банты и туфли также словно появились из СССР. Кто эта жертва и почему она так странно одета предстоит выяснить следователю и её команде.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	18
Часть 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Королева

Белые банты, школьная форма. Детектив

Часть 1

Мне снится тот же самый сон, что я видела полгода назад, и тут же происходит эффект дежавю – когда-то мне тоже кое-что снилось, а потом оказалось, что эти видения приходят не просто так. Именно тогда наш крупный город всколыхнуло серией массовых убийств девушек из университета. Тогда Рус, еще не будучи моим мужем, говорил, что у меня поразительная интуиция и видимо, в моей семье в каком-то там поколении есть ведьмы, если я вижу сны, которые частично превращаются в явь, сны пророческие, а порой и такие, которые требуют разгадки.

Вот и сейчас – когда подобный сон приснился мне в первый раз, я даже не обратила на него внимания, но второй – это уже чересчур, это значит, что снится он не просто так.

Я стою в огромном поминальном зале, совершенно одна. Зал старинный, с фресками на библейскую тему и колоннами, украшенными витыми нитями искусственных растений.

Посреди зала стоит небольшой гроб. Я подхожу ближе и вижу, что в гробу лежит школьница, девочка лет десяти - одиннадцати. На ней школьная форма старого образца, из коричневой плотной ткани (я успела застать такую и помню, что эта ткань была жаркой и страшно кололась), белый фартучек, манжеты и воротничок пришиты неумело, белыми нитками, так, что швы видны. На голове длинные хвостики, собранные белыми бантами, на ногах – белые гольфики и практичные черные туфли на толстой подошве.

Мне бесконечно жаль малышку, я вглядываюсь в ее лицо и вдруг понимаю, что лица у нее... просто нет. Единственное, что есть на том месте – это ярко покрашенные алой помадой большие губы. Отпрянув от гроба, смотрю на эти губы, а они вдруг растягиваются в улыбке.

– Марго! Маргарита! – Руслан трясет меня за плечо – проснись, слышишь!

Просыпаюсь, поворачиваюсь к мужу, не совсем понимая, где я. Я еще до сих пор в этом пустом зале, возле гроба с телом малышки, у которой нет лица, а есть только большие губы.

– Ты стонала во сне и всхлипывала – говорит Руслан – что-то страшное приснилось?

Подсознательно Рус боится, что его отец вернется в мои сны, он мне не говорит, но я знаю, что это так. И сейчас он выжидающе ждет ответа не потому, что ему действительно интересно, что там такого могло мне сниться, а потому, что

боится снова услышать это ужасное выражение: «озерский маньяк».

– Сон приснился – я беру стакан с холодной водой, отпиваю из него большими глотками, потом ставлю на тумбочку и опускаюсь на подушку.

– Он?

Я улыбаюсь и глажу его по лицу.

– Ты предскажем, дорогой. Я ведь знаю, чего ты всегда боишься. Что он вернется в мои сны, правда?

Рус затихает. Моя интуиция удивляет его не меньше, чем мои навыки следователя.

– Марго... Ты не думаешь, что пришло время рассказать Юрчику о том, кем был его дед? Он, кстати, спрашивал меня о предках, им там в школе что-то задавали. Но я смог рассказать ему только про своих маму и бабушку, а про твоих я вообще ничего не знаю... Он насторожился.

– Ты хочешь рассказать нашему сыну о своем настоящем отце? – хмурюсь я – а зачем, Рус?

Руслан вздыхает.

– Чтобы дать ему понять, что всю жизнь он должен будет контролировать себя. Гены – это не шутка, Марго. На мне природа отдохнула, а вот на нем может отыграться.

– Послушай, Руслан, он всего лишь подросток, ему тринадцать. Сейчас такой возраст... Давай подождем, когда он пройдет этот период. Нельзя сейчас – неизвестно, какая будет реакция.

– Может, ты и права.

Я рассказываю ему свой сон.

– Как думаешь, что это может означать?

– Я не знаю, Марго, но то, что это снится тебе не в первый раз, уже наводит на размышления. Тебе никогда ничего не снится просто так.

Я иду будить сына. Ласково смотрю на него, открыв дверь. Какой он... Сильный, спортивный, с правильными, как у отца, чертами лицами. Нет, нет и нет! Никак не могут гены деда передаваться ему! Юрчик правильно воспитан, он стремится к тому, чтобы пойти по стопам Руслана. Чем позже он узнает о своем предке, тем будет лучше.

Когда к завтраку собирается вся семья, и я раскладываю по тарелкам омлет, Юрчик оживленно болтает:

– Мам, прикинь, в Австрии в тысяча девятьсот девяносто восьмом году двое мужчин похитили десятилетнюю Наташу Кампуш, и она восемь лет жила в подвале маньяка. А потом ей удалось бежать. Похититель начал ей доверять, она добежала до соседки и попросила вызвать полицию.

Мы с Русом переглядываемся.

– Тебе кто рассказал? – спрашиваю я.

– Сам читал – отвечает довольный сын – должен же я просвещаться, коли иду по стопам папы.

– Сынок, мне кажется, просвещаться с помощью подобной информации тебе немного рановато.

Но Юрчик продолжает болтать уже о другом, а скоро во-

общее срывается с места, чмокает меня в щеку, благодарит за вкусный завтрак, и убегает в школу. Все это происходит за столь короткий промежуток времени, что я не успеваю опомниться.

– Ладно – Руслан встает – с утра у меня лекция в университете. Пока, дорогая.

Год назад Руслану предложили читать лекции для студентов по уголовному праву. Сначала Рус хотел отказаться, у него столько клиентов, что он порой и в выходные работает, но потом согласился, и совсем не потому, что мы нуждаемся в деньгах. Просто ему это интересно, и он решил попробовать. Получилось довольно успешно – студенты его любят, и он для них – настоящий авторитет, я как-то присутствовала на одной из его лекций, и должна заметить, там совсем не пахнет банальщиной и стандартным подходом – Руслан ведет пары так интересно, что время летит незаметно.

Целую его в ответ, быстро собираюсь сама и выхожу из дома. Сегодня мне сначала нужно заехать в ателье – я всегда заказываю пошив формы у одной и той же портной. Ателье совершенно небольшое, при нем также есть магазин тканей. Форма почти готова – это вторая примерка.

Пока кручусь около зеркала, поворачиваясь туда-сюда, поднимая руки по команде швеи, краем глаза замечаю, что недалеко от меня примеряет школьную форму из коричневой ткани девочка лет десяти.

– Что это? – спрашиваю, показывая глазами в их сторону

– школьную форму опять внедрили?

– Все возвращается, как известно – усмехается швея – сейчас многие так делают. Чтобы в классе, или даже в школе все были похожи.

Девочка щебечет, как птичка, совершенно не закрывая рот даже на минуту, мать и несколько портных суетятся рядом, в надежде успокоить ребенка, а я вдруг вспоминаю сегодняшний сон и какой-то противно - мерзкий холодок ползет по телу.

– Вы что побледнели? – спрашивает портниха – может, воды?

– Да нет – отказываюсь я, продолжая наблюдать за девочкой.

А та вдруг поворачивается ко мне и показывает язык. Слава богу, у нее есть лицо, миловидное, с остреньким подбородком и большими глазищами. А вот хвостики с белыми бантами на макушке присутствуют. Улыбаясь, показываю язык ей в ответ. Замечая это, ее мама качает головой и тоже улыбается мне.

Надо же, какое совпадение... Видеть во сне нечто подобное, связанное со школьной атрибутикой, а потом встретить в ателье... Может, это к тому и снилось – и только-то?

– Через неделю можете забрать – оповещает меня портниха.

Благодарю ее и выхожу на улицу. Мама со школьницей уже уехали, а мне вдруг отчего-то становится не по себе.

Вспоминаю улыбку девочки, ее высунутый язык и дерзкий взгляд огромных глаз. Сажусь за руль, и только трогаюсь с места, как звонит Клим.

– Марго, ты в комитет? Разворачивай тачку. Школа сорок пять на бульваре, задняя калитка за деревьями. У нас тут тело.

Ну, вот и приехали. Школа. Какой идиот решил оставить тело у школы? И вообще – рано о чем-либо думать, может быть, это и не убийство вовсе. Но мое сознание услужливо подсовывает мне утренние картинки, и я понимаю, что мои надежды не прокатывают – это как раз и есть убийство, самое настоящее.

Подъезжаю туда, где оцеплена территория. Кругом торчат зеваки, а самое печальное, что среди них много любопытствующей школоты.

– Вы что, разогнать их не могли? – недовольно бурчу я, обращаясь к оперуполномоченному – незачем им это видеть, у них уроки наверняка, а они тут торчат.

Опер разводит руками, похоже, понимая, что настроение у меня сегодня просто на нуле. Сначала иду к директору школы, объясняю ситуацию, прошу помочь с любопытными школьниками. Идем с ней вместе к оцеплению.

– Так, ребята! – заявляю я громко – я полковник Жданова! Здесь проводятся следственные мероприятия, а вы мешаете! Видеть вам всего этого не нужно, поэтому расходимся по классам! Кто не послушается – поедет к нам в следствен-

ный комитет. Там мы можем устроить экскурсию в морг, а потом проводить вас на денек - другой в изолятор временного содержания.

Директор школы смотрит на меня удивленными глазами, но я-то знаю, что подобный метод сработает, минута – и детей как ветром сдуло от оцепления. Она благодарно кивает мне и уходит.

Клим уже около тела, которое лежит на животе, лицом вниз. Здесь, на заднем дворе, густой стеной растут деревья и стоят мусорные баки.

– Кто обнаружил тело? – спрашиваю я.

– Дворник – Клим внимательно смотрит на меня – ты без настроения?

Ничего не отвечаю и подхожу ближе. Белые банты, школьная форма коричневого цвета старого образца с пришитыми манжетами и воротничком... Белые гольфики и туфли, белый фартучек... Волосы, собранные в два хвоста... Где-то я это уже видела... Только вот... Есть одно маленькое «но» – это совсем не девочка, это взрослая девушка или даже женщина.

– Переверните тело – прошу я оперов.

Твою же дивизию! Да что происходит-то? Этой девице лет тридцать, не меньше!

– Это... Это что за театр? – спрашиваю я у Клим – что вот это означает? На тридцатилетней бабе – школьная форма и белые банты?! Шеф будет в восторге!

– Слушай, Марго, может, она правда из театра какого-нибудь?

Я внимательно всматриваюсь в ее форму.

– Это форма старого образца – говорю я Климу – такие носили в восьмидесятые года. Вот, и манжеты, и воротник тоже оттуда, из той же оперы. Да и фартук. Сейчас шьют из других тканей. Где она выкопала этот реквизит?

– Интересно, от чего она умерла? Что-то следов совсем нет.

Женщина довольно миловидна – светлые волосы, собранные в хвостики, правильные черты лица, нежная линия скулы и подбородка. И губы, накрашенные ярко-красной помадой.

Я отхожу от места преступления, лоб покрывается испариной.

– Марго, тебе плохо? – участливо спрашивает Клим.

– Да нет – говорю ему – просто...

Стоит ли ему рассказывать про дурацкие сны? Если Рус тогда поверил мне, то Клим может и не поверить, тем более, он не верит в такое. Сам говорил, что мистика не для него – всему есть разумное объяснение.

– При ней найдено что-то? – спрашиваю я у него.

– Нет, Марго. Ни телефона, ни сумочки, ни документов, ни денег...

– Замечательно – саркастично заявляю я – и как же мы найдем ее?

– Наверное, нужно будет посмотреть по базе данных спис-

ки пропавших, объявленных в розыск.

– Неплохая идея. Слушай, а во сколько дворник обнаружил ее?

– Он сказал, что сразу посмотрел на часы, было без двадцати восемь утра. И пошел звонить в полицию с городского телефона.

– Он знает ее?

– Нет. Но он ничего не трогал, не переворачивал тело.

– Хорошо, что дворник обнаружил, а не кто-то из школьников. Судя по всему, старшеклассники тут курят иногда тайком. Сними на фотоаппарат ее, Клим, и поговори с ним еще раз, покажи фото, может, он узнает.

Клим кивает и уходит, а я стою в задумчивости. Интересно получается, и то, что это убийство – сомнений нет. Иначе зачем девушка пошла бы самоубиваться к мусорным контейнерам в заросли деревьев?

– Похоже, тело привезли сюда ночью – говорит один из оперов – иначе кто-нибудь что-нибудь видел бы.

Он обводит рукой пространство.

– Видите, кругом жилые дома. Да и ребятня тут постоянно носится, в этих кустах в прятки играет, так что могли и обнаружить.

Я осматриваюсь вокруг. Глупо было бы полагать, что где-то есть камеры. А дома все же далековато – огромная площадка, по обе стороны дома, в одном конце – эта злосчастная школа, в другом – дорога. Камер ноль. Вернее, они есть,

но расположены в таких местах, что толку от них – чуть.

– Клим, скинь мне фото жертвы на телефон.

Иду к школе, беспрепятственно прохожу пост охраны – меня пропускают, стоит только показать удостоверение. Вхожу в кабинет директора, у нее сидят несколько учителей, здороваюсь и говорю:

– Сейчас я покажу вам фото, и прошу ответить всего на один вопрос – знакома ли вам эта девушка? Особенно вы, Алевтина Захаровна, посмотрите, все-таки вы директор.

Она кивает, преисполненная важности своей миссии. Они внимательно смотрят в экран, потом друг на друга, мотают головами – нет, мол, девушка незнакома.

Алевтина Захаровна тоже сочувственно машет головой:

– Нет, Маргарита Николаевна, я не знаю эту женщину.

Тело уже забрали, и мы с Климом едем в комитет, дав указания операм собрать все улики, которые они найдут. По дороге молчим и думаем об одном и том же, потому что Клим через некоторое время спрашивает у меня:

– Марго, ты думаешь, это подражатель?

– Подражатель кого?

– Ну, этой чокнутой, которая убивала девушек и скидывала их в озеро. Ритуальные убийства.

– Почерк разный – говорю я – совсем не похоже на то, что кто-то пытается ей подражать.

Не успеваем мы войти в кабинет, как приходит шеф. Довольно потирает руки и говорит:

– Ну, что, ребята? Кажется, у нас новое дело?

Я удивляюсь тому, что этот факт доставляет ему удовольствие.

– Но Евгений Романович – говорю неуверенно – это еще не факт... Может, она просто умерла...

– Марго, милая, вот сколько лет тебя знаю, а ты все равно нет-нет, да выдашь что-то этакое. Ну, сама подумай, кто в своем уме пойдет умирать в эти заросли, да еще надев перед этим школьную форму!

– Простите – перебивает его Клим – мне показалось, или вы... очень довольны этим?

– Ну, Клим, брось! Я доволен не фактом убийства или смерти молодой женщины, а просто тем, что у нас новое дело.

– Лучше бы таких дел было поменьше – бурчу себе под нос и с подозрением смотрю на шефа – все ли в порядке с его ментальным здоровьем.

– Тогда, Марго, нам не за что было бы платить зарплату. И вообще, держать нашу контору.

Закатываю глаза – логика изумительная! Евгений Романович порой такое может выдать – хоть стой, хоть падай.

– Давайте к делу – морщусь я – откуда эти атрибуты «а-ля восьмидесятые»? К чему этот театр со школьной формой?

Шеф, не слушая меня, звонит Робу и заявляет:

– Роб, исследовать каждый сантиметр тела, всю одежду от и до! Ладно, не мне тебя учить, что нужно делать в таких

случаях!

Клим, незаметно от меня, прикладывает палец к виску.

– Шеф – говорю я – почему бы вам не пойти в отпуск?

– Что? Марго, зачем мне отпуск?

– Вы выглядите усталым...

– И несете несуразицу – шепчет Клим.

– Ни о каком отпуске не может быть и речи! – заявляет шеф – у нас дело, и оно требует скорейшего раскрытия.

Он уходит, а я говорю Климу:

– Слушай, может, это все-таки не наша клиентка?

– Небольшой процент вероятности есть. Но посмотрим.

В нетерпении жду, когда же будут хоть какие-то результаты. Неважно, от Роба или от Дани. Но похоже, все запаздывает, возможно, ребятам сейчас сложно – с телом вообще ничего не понятно.

– Она словно женщина из прошлого – говорю я сама себе.

– Ты про кого? – спрашивает Клим.

– Про жертву. Слушай, Клим, а может, это фетиш такой?

Ну, одеваются же женщины в горничных, военных, медсестер...

– А что, Марго, это мысль! Возможно, она оказывает интимные услуги подобной направленности! Ну, потому что какая женщина в своем уме наденет подобные вещи на себя. Это же глупо!

– И что теперь делать? Шарить по борделям?

– Ну, можно отобрать те, которые оказывают услуги по-

добным образом и опросить их «мамок». Вдруг кто-то, да узнает свою работницу.

– Вот ты этим и займешься! – весело говорю я.

– Ага – Клим понуро опускает голову – инициатива имеет инициатора. Ну ладно, как скажешь. Есть же у нас где-то список подобных заведений на всякий случай. Сейчас возьму фото и поеду.

– Климушка – говорю я ему – ну, ты же обаяшка! Перед тобой ни одна «мамка» не устоит, сразу выложит все, как на духу!

– Спасибо, Марго, за комплимент, но меньше всего мне хотелось бы быть обаяшкой для этих мамок!

Звонит Роб и заявляет:

– Друзья мои, идите ко мне в морг, у меня для вас есть некоторые интересные факты.

Идем с Климом в морг, туда же приходит Евгений Романович.

– Ну! – он потирает руки – и что ты хочешь нам сообщить, Роб?

– Ребят – Роб смотрит на нас и заявляет – я вам так скажу, если сразу – то это, несомненно, убийство, потому что вряд ли она захотела бы самостоятельно умереть от укуса крысиным ядом в вену. Но удивительно не это. А то, что эта женщина... пришла к нам из прошлого.

Часть 2

– Вот как? – саркастично усмехаюсь я – и кто же она? Царица Савская? Или какая-нибудь школьница а-ля восьмидесятые? Или она умеет перемещаться во времени? Роб? Что означают эти твои штучки?

– Простите – спокойно говорит Роб – вероятно, я немного не так выразился. На этой женщине одежда старого образца, которую не выпускают с конца восьмидесятых годов.

Шеф вдруг начинает громко кашлять, а потом заявляет:

– Роб, а как ты это выяснил?

– Очень просто, шеф, во-первых, по этикеткам...

– Этикетки можно нашить...

– Ткань такая тоже уже не выпускается. Это было массовое производство для швейных фабрик, которые занимались пошивом школьной формы. Конечно, в период перестройки все эти фабрики позакрывались. Банты на голове жертвы тоже очень далеки от современных. Посмотрите на них... Сейчас выпускают совершенно другие... Марго, ну ты-то должна это понимать!

– У меня же сын – пугаюсь я – мальчик... Он не носит банты.

Клим начинает смеяться.

– Да я не про это – заявляет Роб – ты же сама девочка, банты носила, правда?

– Носила – говорю я – и ты прав, это старые ленты.

– Вот и я о том же – говорит Роб – школьная форма и белый фартук пошиты фабрикой «Заря» в городе Е-г, примерно в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, голфы – М-ой фабрикой трикотажных изделий, год выпуска изделия точно установить не удалось. Банты фабрики номер пятнадцать города О-л, оттуда же манжеты и воротничок, обувь, заметьте, очень добротная и качественная – обувной фабрики номер восемь, опять же города М-а, выпуск этой модели производился в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году.

– Ничего не понимаю – говорю я – то есть преступник заранее, в каком-то там лохматом восемьдесят седьмом году приобрел этот, так сказать, реквизит, зная о том, что через энное количество лет он наденет это на женщину, которую убьет? Большого бреда я не слышала. Роб, а что с бельем жертвы?

– А вот тут, Марго, начинается самое интересное! Белье на девушке современное! Правда, несколько использованное, конечно, но тем не менее.

– Чушь какая-то! То есть он или она фетишисты наполовину – все старое, из восьмидесятых, а белье пофиг, может быть и современным? Слушай, а кто продавец белья, изготовитель? Это выяснили?

– Пока нет. Марго, я, как-никак, итак довольно быстро провел все экспертизы и исследование тела. Бельем займусь

позже, но скажу тебе сразу – это не эксклюзив, скорее, что-то среднего уровня.

– Ладно, ладно, я поняла. Что-нибудь есть еще примечательное? Она была изнасилована?

– Нет, непосредственно перед смертью нет, но половые контакты у нее были – внутри обнаружены следы, как бы вам это сказать, натертостей, что ли...

– А... – я замолкаю, не зная, как сформулировать вопрос – а откуда можно что-то взять, ну... ДНК, например...

– Марго, сорри за подробности, жертва ходила в туалет... Я все проверил – постороннего ДНК там нет.

– Подожди – перебивает его Клим – то есть я правильно понимаю, что в теле жертвы нет... спермы, верно?

– Все верно. Но при этом половые акты были незащищенными. Опять же, этих следов могло просто напросто не остаться. Но мне кажется, здесь другое – просто половые акты были не закончены, вот и все.

Я о чем-то думаю, а потом спрашиваю патологоанатома:

– Роб, а она не рожала?

– Нет. Это нерожавшая женщина. Кстати, посмотрите на ее лицо.

– А что с ее лицом? – спрашивает шеф.

– Ее лицо и вообще кожа очень бледны. Это говорит о том, что женщина недополучала витамина Д, и видела очень мало света.

– Может, у нее от природы кожа такая? – предполагаю я.

– Есть вероятность и такого, но все-таки я склоняюсь к своему варианту. И еще – такая форма шилась для девушек старшего школьного возраста. Сами понимаете, что фигуры женщин и девушек отличаются, но в этом случае я вот что скажу – эта форма была ей большевата. Если она была куплена специально для нее, это значит, что женщина похудела с тех пор, как первый раз ее примерила.

– Роб, а содержимое желудка ты изучил?

– Да. Она ела простую пищу, домашнюю – гречка, курица, чай. Всего понемногу.

– Блин, ребят, ну вы серьезно? – Клим разводит руками – мне кажется, что все это – малозначительные моменты. Возможно, жертва следила за фигурой, хотела остаться такой же стройняшкой, как и в юные годы, потому ела такую простую пищу и понемногу. А форму эту... Ну, фиг знает, может, она с бойфрендом так развлекалась... Ну, вот в порыве страсти...

– Ага, в порыве страсти он воткнул ей в вену шприц с крысиным ядом – иронично заявляю я – нет, Клим, это было преднамеренно. Ее судьба была уже кем-то решена.

– Так, что мы имеем – подводит итог Евгений Романович – молодая женщина, которая не видела солнца, я так понимаю, здоровая, без изъянов, одета в школьную форму старого образца, ведущая половую жизнь, убита крысиным ядом в вену. Марго, есть какие-то соображения?

– Есть. Их отработает Клим, сегодня же. Но нам важно знать личность убитой – тогда информации будет больше.

– Этим Даня займется. Роб – на тебе белье. Марго?

– У меня пока отчеты. Буду ждать результатов от Дани. Кроме того, попробую отработать линию с крысиным ядом. Вроде, это сейчас не такое часто применяемое средство.

– Хорошо. Тогда по коням, ребята!

Переглядываемся с Климом, улыбаемся и расходимся. Клим едет отрабатывать линию борделей, я остаюсь писать отчеты и ждать звонка от Роба или Дани. Дело кажется мне даже более запутанным, чем дело чокнутой, убивавшей студентов университета.

После отчетов я стараюсь продумать, что мне необходимо установить по поводу крысиного яда. Ну, хорошо, выясню я, где он продается, пусть это будет несколько небольших хозяйственных магазинчиков. А дальше? Что делать дальше? Отслеживать всех покупателей по камерам? За какой период времени? Нет, все это не подходит... Да, Марго, теряешь хватку...

Кажется, мы кое-что забыли выяснить у нашего суперпатологоанатома. Звоню ему и спрашиваю:

– Роб, слушай, а сколько ей лет? Ну, хоть примерно...

– Судя по состоянию костей и скелета – лет тридцать, Марго. Да, кстати, она умерла сегодня ночью, между часом и двумя. Конечно, к школе ее привезли уже мертвой.

– Спасибо, Роб. Кстати, помада у нее на губах...

– Вот помада тоже не новая, словно пользовались ей уже очень давно. Это фирма «Руби Роуз», в восьмидесятых-де-

вяностых годах косметика этой фирмы была очень популярной, хотя бы только потому, что была достаточно бюджетной. Тем паче, что купить ее можно было в любом мало - мальском ларьке.

– Маргарита! – в кабинет вбегает Даня. Как всегда, волосы его взъерошены и почему-то именно по этим его взъерошенным волосам я всегда понимаю, что он хочет сообщить что-то важное.

Невольно улыбаюсь, глядя на него, а он останавливается около моего стола и спрашивает:

– Ты чего?

– Да ничего. Не обращай внимания, пожалуйста. Это я так. Кстати, у тебя, видимо, есть, что мне сообщить?

– Да – отвечает он и останавливается – точнее, нет... Короче, Марго, в последнее время было пять заявлений о пропаже женщин. Четверо из них нашлись, а пятая не похожа на нашу жертву. Далее я взял глубже – за последние пять лет. Тот же самый результат – некоторых нашли, неважно – живых или мертвых, а некоторых нет. Но среди этих девушек нашей жертвы нет. Родственники приносили фото в участки, ни одно фото не соответствует нашей жертве. Больше того, Марго, я прогнал данные этой женщины по нашим базам. Такого человека нет. Нет никого, кто был бы зарегистрирован в соцсетях с такой внешностью, никого, кто пользовался бы медполисом, никого, кто платил бы налоги. Сейчас практически везде нужно фото... Так вот такой девушки нет... Нет

нигде.

Я смотрю на Даню и понимаю, что сейчас просто не знаю, что делать дальше.

– Ты уверен? Хорошо проверял?

– Маргарита, ты во мне сомневаешься? Даже среди учеников школ ее нет, я листал архивы.

Бросаю взгляд на часы – пора домой, время уже вечернее.

– Дань, давай сделаем так, эта девушка может быть из другого города. Завтра с утра прогони ее фото по общей базе – вдруг, да найдется какая зацепка. У нас крупный город, но это не панацея, она может быть приезжей.

– Я с тобой согласен, но тогда у нее была бы хоть какая-то страница в соцсетях.

– Даня, но не появилась же она вот так, ниоткуда! Должно быть что-то, указывающее на ее присутствие в современной жизни! Ищи!

– Знать бы, где – бурчит Даня и уходит крайне обиженный моим недоверием.

Еду домой, по дороге пытаюсь сообразить, в каких случаях может быть так, что ни одного следа человека нет в этой жизни. По дороге получаю смс-сообщение от мужа: «Прости, дорогая, я задерживаюсь – попросили провести еще одну лекцию, внеплановую. Ужин на плите.». Что же – вечер в одиночестве тоже иногда полезен.

Дома принимаю душ и долго смотрю на себя в зеркало. Как мне, с моим ужасным детством и юношеством, удалось

сохранить в себе эту наивную, почти полудетскую, внешность? Я хотела бы быть строже и серьезнее, но вздернутый нос, большие глаза и полные губы совсем не делают из меня следователя высшей категории, полковника... Многие так говорят. Это хорошо еще, что у меня нет родственников. Совсем нет. Хотя люди должны наоборот жалеть об этом и сокрушаться. Но у меня все наоборот – я рада, что есть собственная семья, и других родственников мне не нужно.

Я выхожу на террасу с бутылкой вина и бокалом, сажусь в плетеное кресло и наполняю его. Вкусное розовое безалкогольное вино... Может, оно разгонит мой мозг, чтобы серые клеточки начали шевелиться? Первым является Юрчик. Целует меня, говорит, что поужинает сам, а я должна отдыхать, потом идет к себе в комнату делать «домашку». Прихожу к нему и осторожно снимаю наушники.

– Юр, ну как так можно? – киваю на учебник – тут уроки, там музыка...

– Мам, да норм... Вон, Юлий Цезарь умел делать до шести дел одновременно...

Треплю его по макушке.

– Это легенда, сынок. У человека только два полушария мозга... А вот многозадачность, когда держишь в голове много дел и умеешь планировать – это вполне в духе Цезаря. Но несколько другое.

– Не разочаровывай меня – смеется сын.

– Хочешь вопрос для развития мозга?

– Давай! – азартно говорит он.

– Как возможно такое, что информации о человеке в наше время нет нигде – ни в налоговых органах, ни в соцсетях, ни в Минздраве, в общем, нигде?

– Ну, только в случае, если он или она поменял внешность и паспортные данные.

Надо же... Я как-то не подумала об этом...

– Спасибо, Юрчик. Ты дал мне почву для размышлений.

Я уже у двери, а он задает мне вопрос:

– Мам, у тебя новое дело?

Я киваю.

– И похоже, очень непростое.

– Для тебя не существует непростых дел, так что я желаю тебе удачи.

Что же... Что Юрчик, что Руслан всю нашу совместную жизнь мотивируют меня на раскрытие... Спасибо им за это...

Рус возвращается тогда, когда я уже сплю. Вернее, дремлю. Я просыпаюсь от его легкого поцелуя в щеку.

– Руслан, уже такая темень, где ты так долго? Неужто завел себе любовницу?

– О, у нас возник очень интересный спор со студентами. Завтра расскажу, а пока спи. Хорошо, что на завтра у меня лекций нет.

– Если ты будешь так надолго задерживаться в своем университете, я подумаю, что ты променял меня на какую-нибудь молоденькую студентку.

– Марго, ну, что за глупости?! Спи!

Он опять целует меня и уходит в душ.

Утром Клим все еще катается по значным местам, предварительно позвонив мне и предупредив, что еще не все объездил.

Даня приходит ко мне мрачнее тучи, плюхается на стул и говорит:

– Я пробивал ее по общей базе – не единого следа, Марго.

– Что делать-то, Даня? – спрашиваю его – как искать эту неизвестную? Как вообще такое может быть?

– Не спрашивай, Маргарита, я не знаю. Честное слово, впервые у нас такой случай.

Дверь кабинета открывается и вбегает Роб.

– Ребята, у меня для вас кое-что интересное! Я провел тщательное исследование ее одежды – поверхности платья, белого фартука, бантов и обуви. Так вот на ее одежде есть следы черной плесени.

– И? – говорю я – что это значит?

– Следов этой плесени несколько – говорит Роб – они словно... имеют разный временной промежуток, понимаешь, Марго? Как бы тебе объяснить... Словно плесень наслаивается друг на друга – сначала это менее развитая форма, потом – более старая, понимаешь?

– Хорошо, я поняла, но ведь это прямо не по всей одежде?

– Нет, не по всей, только частично.

– А там, где она лежала, она могла на одежду эту гадость

насобирать?

– Там сухое место, вряд ли там есть черная плесень. Улица, воздух... Нет, эта зараза распространяется там, где сыро и влажно.

– Так, подожди, ты сейчас хочешь сказать, что эта девушка продолжительное время находилась в каком-то сыром помещении?

– Да, я думаю, она жила в подвале. И практически не выбиралась на воздух. Отсюда бледность кожи, нехватка витамина Д в организме...

– Даня? – смотрю на эксперта.

– Марго, ну я что поделаю? Нет ее в базе данных пропавших, нету!

– Даня, давай возьмем более длинный промежуток времени, лет, например, пятнадцать. И еще – подними архивы по «висякам» в поисках пропавших. Вдруг там есть что-то про эту женщину.

– Нужно, чтобы шеф выписал постановление, Марго.

– Постановление будет. Думаю, работа Клима окажется, к сожалению, напрасной.

– А где он?

– Отправился по борделям.

– Что? – Роб и Даня удивленно смеются.

– Вам бы только ржать – говорю я беззлобно – мы просто подумали, что это фетиш такой, понимаете?!

– А, ну да, ну да. Впрочем, это вполне могло быть и фе-

тишем. Если бы не некоторые обстоятельства.

Клим приезжает в середине дня, когда я возвращаюсь с обеда. Он расстроен и измучен разговорами с классом населения, к которому он не привык.

– Ну, что, Клим, я правильно понимаю, что все бесполезно?

Машет рукой.

– Никто из этих «мамок» знать не знает эту девушку. Говорят, что во-первых, она старовата для этой, так сказать, деятельности, хотя я там таких видел! А во-вторых...

– Что?

– Одна из «мамок» обратила внимание на ее одежду. Она сказала, что они практикуют подобное, но форма школьницы у них совсем другая. То есть характерна длина платья – она суперкороткая, должен быть соблазнительный вырез спереди, на груди. Белый фартук должен быть коротким, банты более пышные, гольфики до колен и туфли на супервысоких шпильках. А это – он ткнул на фото девушки – «мамка» сказала, что это раритет, не более того. Ни один мужчина из числа их клиентов и ломаного гроша бы не дал за такую вот «жрицу любви».

Я рассказываю Климу последние новости. Он задумывается и выдает:

– Знаешь, Марго, это всего лишь, скорее всего, какая-то домашняя развлекуха. Касаемая только одного мужчины. Ну, была же половая связь? Была. Может, этому выдумщику

правились именно такие девушки.

– И что нам делать, Клим? Как и где искать данные о этой несчастной? Про нее абсолютно ничего нет.

– Брось расстраиваться пока. Даня ведь еще ничего толком не выяснил.

А я вдруг вспоминаю рассказ сына о Наташе Кампуш. Почему он заговорил об этом именно накануне начала моего нового дела? Оба мы тогда совершенно не предполагали, что несколькими часами позже я найду тело девушки, которая какое-то время провела в сыром подвале с черной плесенью.

Новостей в этот день больше нет было – я попросила у шефа постановление на доступ к архивам, Даня усиленно работал над поиском хоть какой-то информации о неизвестной, а Клим пытался делать вид, что мучается над составлением отчета.

По домам мы все разбредались в подавленном состоянии, словно знали, что дело это затянется на достаточно длительное время.

– Я только очень надеюсь, что это не маньяк – сказала я Климу – и будет только одна жертва.

На следующий день с самого утра веселый Даня прилетел к нам в кабинет. Только по одному его виду было понятно, что он что-то отыскал.

– Ну, Маргарита, ты оказалась абсолютно права! В архивах я обнаружил фото этой женщины и довольно скудную информацию по ней. Теперь мы знаем, кто она и откуда. Как

видите, пришельцев из прошлого не бывает.

Часть 3

– Ну? – нетерпеливо говорим мы чуть ли не хором – и кто она? Даня, ну не томи же!

– Карина Дроздова. Марго, разреши твой компьютер. Спасибо. Итак, Карина Дроздова, одна тысяча девятьсот девяностого года рождения, пятнадцать лет назад бесследно исчезла по дороге в школу.

– Дань – спрашиваю я – а чего ты сразу о ней информацию не нашел?

– Ну, во-первых, та школа, в которой училась Карина, давно снесена из-за аварийного состояния, а все ученики этой школы были переведены в соседнюю, которую расширили.

– Да уж – вставляет Клим – ломать – не строить... Решили на месте новой школы чего-нибудь такое вклепить, под типа новомодной высотки, и при этом другую школу, чтобы она смогла принять учеников этой, растянуть, как резиновое изделие, до невероятных размеров.

Роб, который сидит с нами в кабинете, задумчиво говорит:

– Кстати, ребят, вы в курсе, да, что, например, в презерватив входит цельное ведро воды.

– Да ладно! – удивляется Клим.

– Сам попробуй – парирует Роб.

– А сколько литровое ведро-то должно быть? – ржет Клим – может, ты детское имеешь ввиду?

– Так, хватит! – стучу я ладошкой по столу – что за пошлые шутки юнцов среднего школьного возраста? Давайте серьезнее! Даня, продолжай!

– Так вот – невозмутимо, словно и не останавливался, говорит Даня – Карина пропала в две тысячи пятом году по дороге в школу. Тогда девушке было пятнадцать лет. Никто не видел, где это произошло и как. Училась она тогда в первую смену. Девушка была немного нелюдимой и стеснялась общения.

– Почему?

– Дело в том, что у нее была только старая прабабка, она воспитывала ее, и из-за маленькой пенсии держала девочку в черном теле, выделяя самый минимум на одежду и обувь. Карина стыдилась своего простецкого вида, и скорее всего, еще и в школе над ней смеялись, вот она и не общалась ни с кем.

– Ее искали?

– Да, прабабушка подала заявление. Но дело в том, что через два месяца после исчезновения девочки, она умерла. Больше родных у них не было, дело забросили в долгий ящик, некоторое время перед этим поизображав бурную деятельность, ну, а потом вообще отправили в архив с пометкой «до обнаружения иных обстоятельств по делу».

– Короче, дело превратилось в «висяк»?

– Вот именно. Но знаете, друзья, что я думаю... Скорее всего, наши друзья милиционеры, на тот момент, сильно и

не искали. Ну кому нужна пятнадцатилетняя девчонка, у которой и родных-то нет?

– Даня, а что в материалах дела есть вообще, какие-то факты присутствуют?

– Есть только фото местности, Марго, путь, по которому девушка шла из дома в школу. Я запросил из архива самую папку с делом, чтобы посмотреть эти фото. Но больше ничего примечательного нет.

– Слушайте – говорит Клим – ну... Не одна же она ходила в школу, в смысле, в это время этим же путем мог идти кто-то еще, и этот кто-то мог что-то видеть.

– Клим, все это замечательно, конечно, но как мы будем выяснять, пятнадцать лет спустя, кто именно это был и где этот кто-то, спустя пятнадцать лет, находится? Даня, а как хватились, что девушка пропала?

– Ну... по показаниям бабки она ни после уроков, ни вечером домой не вернулась. Та на следующий день подала заявление. Его приняли, хотя всего сутки прошли, потому что девушка несовершеннолетняя и бабка очень просила принять, она старая, пошли навстречу.

– Ну, а в каких направлениях искали-то?

– Да в каких могли искать, Марго? Ну, опросили одноклассников, бабку, школьников, которые жили в том же доме – может, они чего видели по дороге в школу. Но... Безрезультатно.

– Кстати, а где она жила, эта Карина, вместе с бабулей-то?

– Вот адрес. Это деревянный барак.

– А про родителей ее что-то известно?

– Абсолютно никакой информации.

Я задумываюсь. Глухо по всем фронтам. Впрочем, ничего удивительного – пятнадцать лет прошло, шутка ли?! И что же предпримем мы? Какие шаги? Со времени похищения девушки – да, прошло пятнадцать лет, но убили-то ее пару дней назад.

– Так – говорю я – значит, версия такова. Пятнадцать лет назад некий неизвестный похитил по дороге в школу Карину Дроздову. Интересно, этот весь реквизит – я имею ввиду форму – ее личный или похититель специально одевал ее в другое? Ладно, дальше. Пятнадцать лет ее держат в подвале с черной плесенью, ну, или, блин, в каком-то старом доме, не знаю, и периодически занимаются с ней сексом. Но через пятнадцать лет она вдруг почему-то надоедает педофилу, и он убивает ее...

– Слушайте, может, она пыталась бежать, потому он ее убил? – говорит Даня.

– Нет-нет, стойте – это уже Клим – он не педофил. Если он до стольки лет продержал ее рядом с собой... он не педофил. Но вот вопрос – почему убил?

– А мне кажется, все проще – она ему просто надоела.

– Ну тогда...

Мы переглядываемся между собой...

– Тогда должен быть кто-то еще, кто ему не надоел. Либо

он выйдет охотиться в ближайшее время, чтобы найти замену Карине.

Да, перспективы впереди складываются одна печальнее другой.

– Что будем делать, господа сыщики?

Все замолкают, напряженно думая.

– Даня – говорю я эксперту – нужно из архива изъять все «висяки» по пропавшим и ненайденным пятнадцатилетним девушкам. После две тысячи пятого года, разумеется. Если это то, о чем мы думаем, то Карина – первая жертва этой цепочки.

– Ты все-таки склоняешься к тому, что она не единственная.

– Будем надеяться, что я ошибаюсь.

– Клим – смотрю я на помощника – завтра берешь оперативника, Даня предоставит тебе информацию по всем учителям той школы, в которой училась девушка. Нужно будет отсеять тех, кто именно учил Карину, найти их и поговорить – вдруг у них найдется какая-то зацепка. Роб – на тебе белье, как и раньше и еще, слушай, проведи более тщательный анализ, нужно выяснить, били ли ее. Даня, еще, узнай, кому досталась квартира после смерти бабки Карины, и остались ли в этом доме прежние жители, хоть один-два, те, кто могут помнить эту семью. Также мне нужны данные тех, кто занимался поиском девушки. Честно, ребята, я не знаю, с какой стороны искать. Но мы должны попробовать найти того, кто

это сделал, тем более, я очень боюсь, что Карина – не единственная, учитывая то, в каком виде мы ее нашли. Кстати, форма, конечно, не ее – в две тысячи пятом году такое уже не носили, да и вообще, вряд ли даже у той же бабки будет такое храниться. Я вот думаю, что надо прошерстить интернет – вдруг кто-то что-то подобное продавал когда-нибудь. Все, друзья, за работу или по коням, как любит говорить наш шеф.

Почему задание Климу было отдано на завтра, вполне объяснимо – сегодня совещание в Управлении, и мы все должны быть там. Опять пустая бюрократическая болтовня, от которой у меня закрываются глаза, и рот сам по себе растягивается в смачный зевок. Но ничего не поделаешь – иногда мы обязаны посещать подобные мероприятия, нравится нам это или нет.

Вечером за ужином, который мы проводим вдвоем – Юрчик поел чего-то там из холодильника и сбежал с друзьями играть в боулинг в торговый центр – я спрашиваю мужа:

– Дорогой, как ты относишься к школьницам?

– Что? – Рус удивленно поднимает темные брови – нормально отношусь. А что, я должен к ним как-то по-особому относиться?

– Да нет, просто спросила...

– Странные вопросы – он подозрительно смотрит на меня – хотя знаешь, если бы у нас была маленькая куколка-дочь... Представь, Марго, твоя девочка идет в первый

класс... Огромный букет цветов, который закрывает ее личико, темные волосы собраны в длинные завитые хвостики, и на голове у нее пышные белые банты. На ней темное платье с белым фартуком и белые нарядные лаковые туфельки...

– Рус, прекрати! – не выдерживаю я – меня сейчас вырвет от этой маслянисто - сладкой, как крем на торте, картины, что ты обрисовал!

– Что за реакция?

Рассказываю ему о нашем новом деле. Он свистит удивленно, потом говорит:

– Да уж! Марго, ты делаешь успехи – каждое новое дело запутаннее предыдущего. Ну, и где вы собираетесь искать этого любителя насладиться юным телом?

– Фу, как ты циничен – с презрением говорю я.

– Юристы все таковы, ты должна к этому уже привыкнуть.

– Лучше подскажи что-нибудь, Рус! Чем ерничать!

– Даже не знаю, Марго. В голову ничего не приходит. В первый раз с тех пор, как я ушел из этой структуры, а ты начала рассказывать мне про ваши очередные дела.

– Ты просто не хочешь мне помочь – я надуваю губы, словно обиженный ребенок.

– Ладно – говорит он – хорошо. Я попробую. Смотри, Марго, что нужно девушке в пятнадцать лет?

– Не знаю – говорю я.

– Ну, вот тебе что было нужно?

– Мне? – я задумываюсь – любовь нужна была, наверное...

Не мужчины, нет... Родителей, например...

– Ладно – Рус закатывает глаза – попробую объяснить... Да и росла ты не в то время. Девушке в пятнадцать, да еще когда проблемы в семье, нужно признание сверстников. А получить его зачастую можно, если ты им хотя бы немного равен. Например, есть хорошие шмотки, какие-то вещи вроде плеера, телефона хорошего...

– То есть по-твоему, ей не хватало материальных благ?

– Ну, и любви тоже, конечно, учитывая, что ее какая-то там прабабка воспитала. Вряд ли она дала ей много любви...

– То есть ты хочешь сказать, что девушка искала материальные средства и чье-то сильное покровительство?

– Ну, вот видишь, как все просто! Ройте в этом направлении!

– Спасибо, Русик! Вот видишь, а то – «не знаю! В голову ничего не приходит!».

Итак, с ее одноклассниками, учителями, соседями нужно поговорить и на эту тему тоже. Но я кое-что забыла, а потому с утра поручаю Дане плюсом ко всему заняться еще и вопросами родства девушки. Родителей ее необходимо отыскать. И вообще – как девушка оказалась с прабабкой? Даже не с бабушкой, а с прабабушкой! Уму непостижимо! Хотя чему тут удивляться – в наше время возможно все, что угодно.

Клим с оперативником с утра уезжают, получив от Дани информацию. У меня же нет покоя с самого начала дня. Звонит Роб.

– Марго, что касается белья. Это белье торговой марки «Авеню», которая два года назад приказала долго жить. Изделия продавались не только у нас, но и по всей России и имели средний ценовой диапазон.

– Так – констатирую я – белье двухгодичной, а то и больше, давности. Дальше?

– Я провел более тщательный анализ крови жертвы, и нашел остатки вещества, которое ей кололи, чтобы сделать вялой и безвольной.

– Это редкое вещество?

– Нет, в аптеке в свободном доступе в качестве успокоительного и снотворного. Низкий ценовой диапазон, поэтому довольно распространенное. Конечно, на него нужен рецепт, но сама подумай – в городе будет множество тысяч человек, кому это лекарство выписывается, и не только, кстати, старикам.

– Понятно. С этой стороны тоже не подъедешь.

– Да, к сожалению. Теперь про побои. Следы старых побоев есть, в большинстве своем застарелые следы синяков обнаружены на ягодицах, спине, груди. Тот, кто ее бил, был чем-то раздосадован...

– И я даже знаю, чем – говорю я.

– Ну да. Возможно, наши мысли здесь сходятся. Еще на спине я обнаружил старые следы, они уже практически слились с цветом кожи, от избиения плеткой - семихвосткой, такие продаются в магазинах для всяких там... плотских утех...

– В секс-шопах – подсказываю я.

– Тебе виднее – парирует Роб – но это тоже так себе вариант, Марго. Сейчас эти штуки не только оффлайн, но и онлайн купить можно, всяких маркетплейсов – как собак нерезанных, и там эта дрянь продается.

Благодарю Роба за информацию, кладу трубку. Почему все мои убийцы - преступники – это прошаренные, продуманные люди? Почему у меня ни разу не было такого, чтобы вот прокололся хоть один из них на какой-нибудь глупости? Обязательно же очередное преступление – это умный преступник, умеющий прятать себя, улики, порой даже жертв!

Смотрю иногда криминальные передачи – некоторые следователи на раз-два щелкают делишки. У меня же это обязательно занимает какое-то нужное количество драгоценного времени! Может быть, я просто плохой следователь?

Ладно, некогда рассуждать, нужно ковать железо, пока горячо. Открываю справочник хозяйственных магазинов и начинаю звонить. С удивлением обнаруживаю, что крысиный яд того состава, старого, между прочим, о котором говорил Роб, продается в четырех магазинах города, причем, небольших. То есть купить его можно... Только вот... не факт, что он вообще приобретен в наше время. Форма вон, с конца восьмидесятых годов. Вполне себе может быть, что и яд откуда-то оттуда...

Так я и думала, что это мало, что даст. Даже если и покупал преступник его в одном из этих магазинов, то вряд ли

он ему был нужен в промышленных масштабах. Так любого невинного дедка можно под маньяка подписать...

Что дальше? Мне звонит Даня и сообщает, что в том доме, где жила раньше Карина, осталось только трое человек с того времени, один из них проживает по соседству с той квартирой, в которой жила Карина. Двое других – в соседнем подъезде.

Решаем с оперативником начать именно с этих двоих, а соседа оставить на самое «вкусное». В первой квартире на стук и звонки в дверь никто не отзывается, зато прямо напротив открывается дверь, и в щель просовывается длинный любопытный старушечий носик. А это ведь именно то, что нам нужно!

– Валентина Захаровна? – спрашиваю я любопытную старушонку – я полковник Жданова. И вы нам тоже нужны, как и ваша соседка.

– А Катька в деревню уехала, к сестре – заявляет старушка, выходя на площадку – я у ей цветы поливаю.

Она невысокая, худенькая, в платочке и цветастом платье. А нос и вправду длинный, как у Буратино. Вероятно, бабуля действительно любопытна. Это может быть нам на пользу.

– А от меня чего надоть? – спрашивает она.

– Валентина Захаровна, вы ведь знали семью, которая проживала в соседнем подъезде в третьей квартире? Карина Дроздова с прабабушкой.

– Я, конечно, больше-то Зиновьевну знала, чем ее пра-

внучку... Да вы заходите...

В ее квартире пахнет нафталином, и я ловлю себя на мысли, что мы с оперативником попали в какой-то старый сундук с залежью очень старых, но при этом очень нужных, вещей.

– А чего это вы заинтересовались, Каринкой-то? Пропала она, горемышная, уж как годов пятнадцать тому назад. Мы все, в оконцовке, думали, что она сбежала с кем-то.

– А что, были причины так думать?

– Особых-то причин не было. Просто что еще думать – девка молодая и вот так, без следов, исчезнуть...

Я решаю пока не говорить старушке о том, что Карина найдена мертвой – мало ли куда ее понесет с этими новостями...

– Скажите пожалуйста, Валентина Захаровна, а вы что-нибудь знаете о родителях Карины?

– Нет – решительно заявляет та – Зиновьевна, как ее спросишь, отбrehивалась, будто не хотела говорить на эту тему. Знамо только одно – дочь ее, Каринки-то бабка, девчонку откуда-то привезла.

– И оставила?

– Сказала – заберу. Да так за ней и не верталась. В общем, никому та девчонка не была нужна.

– Скажите, а она после вообще не появлялась? Ну, дочь эта, бабушка Карины?

– Нет. Так и не приехала.

– А Зиновьевна говорила вам, где она живет?

– Вроде один раз проболталась, что в М-е, но конкретного адреса – нет, не знаю.

– А какие отношения были у Карины с прабабушкой?

– А какие тут могут быть отношения, когда на старости лет такое добро? Ну, одевала ее кое-как, кормила. Пенсия-то скудновата... Попрекала, конечно... Навязалась, мол, на мою голову. А девчонка так ничего была – училась хорошо... Только нелюдимая, как зверек...

– А вы знали тех, с кем Карина общалась?

– Да навроде только с соседями, и то так... через раз.

– В ее поведении было что-то подозрительное накануне исчезновения?

– Милая моя, да я ж откуда буду помнить – ведь ни много ни мало, пятнадцать лет уж минуло!

– А с мальчиками она встречалась?

– Не, точнее, я не видела. Она ведь, я говорю, нелюдимая была. Мы ее с подругами-то не видели, а вы про мальчиков.

– Скажите, а кого-то подозревали в ее исчезновении? Вас вообще, милиция тогда допрашивала?

– Не – она мотает головой – меня нет, и насколько известно, остальных соседей тоже. А Зиновьевна говорила, что они вообще болтают, что Каринка просто от нее свинтила.

– Кто это – «они»? – спрашиваю я.

– Ну, кто-кто... Милиция, само собой.

Мы с оперативником понимающе переглядываемся – оно

и понятно, милиция не удосужилась даже соседей опросить. Или опросили, но не всех. Видимо, для них это был самый простой вариант – сделать вид, что Карина сбежала.

– Скажите, а что прабабушка Карины говорила – вещи все ее на месте остались, или что-то пропало?

– Только ее портфель с учебниками, который она в школу взяла и все. На ей какая-то одежда была, и только это и пропало, все остальное на месте. Да чему там было пропадать? Голь перекатная!

Ничего не добившись от старушки, идем в соседний подъезд. Тут, по соседству от Карины, жил Малышев. Бывший вор-сиделец, любитель легких денег и развлечений. Хотя какое там ему, в семьдесят-то лет. Стучим в квартиру. Почему-то у меня ощущение, что дома кто-то есть. По словам Дани, Малышев живет один...

– Малышев, откройте! – кричу я, а оперативник вдруг просто толкает дверь, и она открывается.

Мы входим в крохотную прихожую и останавливаемся на месте, чтобы сориентироваться. Я мгновенно поворачиваюсь на какой-то звук и вдруг вижу, как прямо на меня летит нож...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.